

Глава 4

Прагматические основания выделения частей речи в языках изолирующего типа

4.1. Вводные замечания

В изолирующих языках проблема выделения частей речи (в самом общем виде – классов, возникающих на основе словарно задаваемых грамматических характеристик слов) стоит весьма остро. Отсутствие словоизменительных характеристик, скупость формальных средств выражения грамматических значений приводит к тому, что о частях речи в изолирующих языках приходится говорить как о скрытой категории. Это вызывает известные сложности при их интерпретации, но имеет и свои преимущества.

С одной стороны, бедность или даже полное отсутствие формальных показателей классов слов вынуждает либо отказаться от морфологических критериев их выделения и рассматривать их в терминах какого-то другого, более «глубокого» уровня, либо лишить проблему частей речи ее универсальности, что представляется концептуально неверным.

С другой стороны, если какие-либо методы дают положительные результаты на материале изолирующих языков, то это уже является сильным аргументом в их пользу: коль скоро с их помощью удастся выявить и описать части речи в языке, где они максимально скрыты, то можно ожидать успеха и на материале других языков.

И, наконец, сущностный, концептуальный аспект классификации слов по частям речи в изолирующих языках проявляется даже отчетливее, чем в других, поскольку в меньшей степени опосредуется в восприятии говорящих наличием формальных противопоставлений, приобретающих благодаря автономизации формы собственную языковую значимость.

4.2. Основания категориального членения

4.2.1. Проблема частей речи в языках изолирующего типа

При описании частей речи в языках, далеких от европейского «стандарта», отчетливо проявляется многоплановость этой проблемы. С одной стороны, речь идет о выделении некоторых парадигматически противопоставленных классов на основе привычных представлений об имени, глаголе, наречии и т.п. С другой стороны, встает проблема критериев отнесения конкретного слова данного языка к определенному классу (Лайонз 1978, 337). Эти задачи тесно связаны между собой и решение их – на материале конкретного языка или в рамках общего языкознания – серьезнейшим образом зависит от того, какие именно сущности понимаются под термином «части речи». В большинстве работ, посвященных описанию конкретных языков, эксплицитного ответа на этот вопрос не дается, а определения конкретных частей речи представляют собой набор разнородных признаков, необходимых и достаточных для отнесения слова к некоторому априорно заданному классу. В таких определениях точка зрения автора на то, к какому уровню представления относятся описываемые им единицы, содержится лишь имплицитно; в большой степени на эту точку зрения влияют факты рассматриваемого языка.

Так, сохранившиеся до наших дней античные классификации опирались главным образом на формальные морфологические характеристики, тем более, что и латынь и греческий с их богатой морфологией это позволяли (хотя опора на морфологию могла осуществляться и в скрытом виде). Ограниченность, точнее – неуниверсальность этого подхода очевидна. Для современных европейских языков зависимость от морфологических критериев (даже при учете данных семантики и синтаксиса) создает трудности, например, при определении таких классов слов, как категория состояния в русском языке, при атрибуции конверсивов в английском. Нет необходимости говорить о сложности морфологического обоснования категориальной классификации в изолирующих языках.

Взгляд на части речи как на единицы синтаксического уровня утвердился на материале изолирующих языков как раз вследствие неприменимости к ним морфологических критериев (Солнцева

1985, с. 42). Общая идея этого подхода состоит в том, что в качестве критериев отнесения слова к той или иной части речи используются характеристики его синтаксического поведения, и в первую очередь его функции как члена предложения. Представляется, однако, что зависимость здесь прямо-таки обратная: принадлежность слова к некоторому словарно задаваемому классу предопределяет его синтаксическое поведение, и синтаксический анализ невозможен без опоры на эти сведения. Так или иначе, но независимо от проблемы частей речи синтаксическое описание всегда производится в терминах категориальных характеристик слов, занимающих определенные синтаксические позиции.

Наличие связи между принадлежностью слова к той или иной части речи и его синтаксическими возможностями совершенно очевидно. Важно, что здесь считать причиной, а что следствием. Если исходить из синтаксического поведения, то при последовательном использовании этого критерия в языках изолирующего типа можно прийти к точке зрения, сформулированной еще С.И. Томчиной (Томчина 1978). Коль скоро внешне одно и то же слово может выступать и в позициях, характерных для имени, и в позициях, характерных для глагола, то оно не является ни тем, ни другим. В словаре ему нельзя приписать грамматическую характеристику, так как слово получает ее только в контексте конкретного предложения.

Таким образом, исходя из морфологических и синтаксических критериев, невозможно полно и непротиворечиво, без логических циклов описать парадигматические классы слов как фундаментальное свойство языковой системы. В то же время, невнимание к грамматическим характеристикам, опора на лексическое значение слов приводят в рамках традиционного подхода к нежелательной подмене категорий, интуитивно ощущаемых носителем как некоторое структурное языковое единство. Речь начинает идти о лексических классах, число и состав которых в языке определяются крайне субъективно, а для «экзотических» языков – путем калькирования соответствующих классов языка исследователя – см. возражения против этого у А.А. Реформатского (Реформатский 1967, с. 320-324).

Представляется, что выход из этого порочного круга может быть найден в отказе от взгляда на части речи как на собственно языковые одноуровневые категории. Скорее, они (по крайней мере, часть из них) являются отражением в языке, проявлением в специфичной для каждого случая языковой форме концептуального членения, осуществляемого человеком по отношению к внеязыковой действительности.

Категоризация наблюдаемых явлений, структурирование поступающей информации в процессах вербализации необходимо требуют наличия в языке хотя бы минимума парадигматических классов. Это и является обоснованием тезиса о принципиальной универсальности членения на части речи¹. Слово «принципиальный» может пониматься двояко, но при любом понимании из «принципиальной универсальности» ни в коем случае не следует, что в каждом языке найдутся все те части речи, к которым мы привыкли в языках «европейского стандарта». Речь может идти только об универсальности противопоставления двух типов концептов, отражающих основную дихотомию человеческого восприятия действительности; концептов, соответствующих физическим объектам – Термов – и концептов, соответствующих ситуациям, в которых эти объекты участвуют – Предикатов. Ср. высказывание Сепира: «Моим отправным пунктом будет тот факт, что весь понятийный мир человека изначально разделен на две главные сферы. Одна из них, сфера глагола, охватывает состояния и события; другая, сфера существительного, охватывает предметы...» (Сепир 1993, с. 114).

Указанные концепты – Термы и Предикаты – могут иметь на собственно языковом уровне способы вербализации, различные как в рамках одного языка, так и для разных языков. Один из этих способов является для данного языка исходным, мотивированным прототипическими признаками, а все другие – производными, полученными в результате лексико-синтаксических, морфологических или иных дериваций. Мотивированным способом выражения Термов служат имена существительные, мотивированным способом выражения Предикатов – глаголы.

¹ Из многочисленных высказываний лингвистов по поводу универсальности категориального членения можно указать одно, привлекающее отсутствием категоричности: « Если допустить, что так сказать, образ мира, или основные схемы и концепты, с помощью которых представляется и систематизируется наш опыт, хотя бы частично являются продуктом используемых для их описания лингвистических структур, то мы с оборотной стороны увидим нечто весьма похожее на давнишние обоснования существования универсальной грамматической структуры» Robins 1970, 35

Два существенных для проблемы частей речи утверждения состоят в следующем. Во-первых, при достаточном знакомстве с лексикой и грамматикой некоторого языка про каждое его слово можно сказать, восходит ли оно к Терму или Предикату. Опорой при этом служат, в том числе знания реалий внешнего мира, концептуализованные в «идеальную» картину мира, что вполне правомерно, поскольку это касается мотивированности языковой единицы единицей мета-семантического уровня. Во-вторых, те имена, которые являются на семантическом уровне Термами, и те глаголы, которые являются на семантическом уровне Предикатами, образуют универсальные для человеческих языков парадигматические классы. «Какой бы неуловимый характер ни носило в отдельных случаях различие имени и глагола, нет такого языка, который вовсе бы пренебрегал этим различием. Иначе обстоит с другими частями речи. Ни одна из них для жизни языка не является повелительно необходимой» (Сепир 1993, с.116)

Что же касается производных, не-прототипических языковых воплощений Термов и Предикатов, а также существования других частей речи, противопоставления служебных и знаменательных классов слов, то решение этих вопросов, составляет специфику конкретных языковых типов – см., например, работы, в которых описывается деривационная история таких классов слов, как прилагательные в русском языке и наречия с орудийным значением в английском (Бэбби 1985), (Lakoff 1968). Ниже эти проблемы рассматриваются для языка изолирующего типа.

Однако прежде чем перейти к анализу конкретного языкового материала бамана, необходимо сказать несколько слов об аппарате описания..

4.2.2. Части речи как радиальные категории

Сформулированные выше общие положения, касающиеся именно природы категориального членения, не могут быть развиты в рамках теоретико-множественного подхода, который предполагает разбиение множества слов языка на непересекающиеся статические классы элементов, характеризующиеся четко ограниченным набором признаков.

В качестве возможной альтернативы предлагается описание в терминах прототипических признаков, прототипических представителей категорий, исходных и производных реализаций прототипов. Это означает, что грамматические категории рассматриваются как гештальты (Lakoff 1977), (Lakoff 1987). Лингвистический гештальт – это сложный концепт, определяемый открытым множеством признаков и свойств, характерной чертой: которых является их естественная совместная встречаемость. Поэтому с точки зрения носителя языка – обладателя данного концепта – последний представляется как «простое» и «базовое» в рамках его опыта понятие. С гештальтом ассоциируется его прототипический представитель. Естественность восприятия и целесообразность анализа некоторого объекта «х» в терминах гештальта А определяется степенью родового сходства (= family resemblance) «х» с прототипическим представителем «а» данного гештальта А².

Прототипическим признаком, задающим гештальт *имя существительное*, является семантический признак «предметность» – в широком смысле термина (возможно, что для каких-то языков это должна быть «одушевленность»). Для гештальта *глагол* таким признаком является «динамичность» – ср. (Norreg, Thompson 1980). Прототипические представители категорий имени и глагола должны в значительной степени совпадать в различных языках. В этом отношении изолирующий язык бамана, выбранный для рассмотрения в данной работе, не должен сильно отличаться от, скажем, русского языка. Различия определяются тем, какие существуют в данном языке производные категории и каким деривационным путем они получены; какие не-прототипические реализации данной категории допустимы; с помощью каких языковых средств и где именно язык проводит границу между категориями; какая степень родового сходства нужна для анализа в терминах данного гештальта, то есть «какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой ... какие общие категории различаются в данной языковой системе» (Щерба 1974, 78-79).

Предлагаемый подход к анализу частей речи разграничивает «универсальный» и «специфический», конкретно-языковой аспекты этой проблемы. Универсальность связана с психолингвистической реальностью интерпретации мира в рамках противопоставления двух типов

² О принципиальном для процессов категоризации понятии «родового сходства» см.. (Rosch 1977; Rosch, Lloyd 1978)

концептов. Специфичность выражается в том, что внутри конкретной языковой системы существуют определенным образом противопоставленные классы слов, в том, что принадлежность слова к некоторому классу влияет на его синтаксическое и морфологическое поведение. Обращаясь к анализу бамана, еще раз отметим, что именно на материале изолирующего языка отчетливо видна неприменимость только «внутриязыкового» взгляда на проблему частей речи. Результаты, полученные для этого языка, могут послужить обоснованием предлагаемого подхода к анализу частей речи и в других языках, где лежащие в основе этих категорий семантические противопоставления отчасти затемнены, осложнены богатством собственно языковых способов их воплощения.

4.3. Части речи в языке бамана

Язык бамана (группа манде, семья Нигер-Конго) распространен в Республике Мали и некоторых других западноафриканских странах. Его другое название, которое встречается в преимущественно англоязычной литературе – бамбара. В настоящем исследовании используются данные так называемого стандартного или «столичного» диалекта района г. Бамако.

Некоторые примеры взяты из текстов (в основном учебно-просветительского характера) – пособия по алфabetизации – (Magasa 1978), грамматики – (Bird, Kante 1976), а в большинстве случаев получены от носителей языка бамана (Бергельсон 1985), (Бергельсон 1979), (Бергельсон 1988), (Бергельсон 1990).

4.3.1. Основные характеристики языкового строя бамана

Бамана относится к словоизолирующему типу, характерному для Западной Африки. Для кодирования синтаксических отношений языки этого типа используют жесткий порядок слов в предикации и служебные слова (*показатели конструкции*). Базовый порядок слов **S O V**. В бамана изоляция представлена и как морфологическое средство. Единственная область, где нарушается принцип «слово равно корню», это словообразование, являющееся по преимуществу корнесложением, а также ненулевые способы образования производных частей речи (прилагательных, причастий, отпредикатных имен) – см. ниже.

В значительной степени выражено в бамана такое свойство изолирующих языков, как полипредикатность большинства высказываний, проистекающая из того, что сирконстантные значения (бенефактив, цель, адресат, место, время, причина, способ действия и др.) выражаются с помощью дополнительной предикации, нередко представленной в свернутом виде. Частным проявлением этого являются так называемые сериальные конструкции, которые выполняют двойную роль: во-первых, позволяют описать ситуацию, для которой в языке не существует отдельной лексемы – это, преимущественно, ситуации перемещения с указанием на способ движения, во-вторых, таким способом можно увеличить число валентностей исходного предиката.

Бамана, как и многие другие западноафриканские языки, является тональным языком с лексическими тонами (Vydrine 1999) и тональным фразовым артиклем (Бергельсон 1979).

Таким образом, следующие изолирующие характеристики языкового строя языка бамана являются существенными для понимания специфики организации его структуры и могут служить основаниями для мотивации различных деривационных процессов:

- фиксированный порядок слов
- аналитические конструкции
- относительно большой объем и степень абстрактности значения каждой предикатной лексемы
- наличие, в том числе нулевых деривационных средств для каждой деривации
- подвижность границ между классами слов
- доминирование полипредикатных конструкций

4.3.2. Факты, требующие интерпретации

В интерпретации нуждается следующий набор фактов языка бамана:

- словоизменяемые характеристики лексем отсутствуют;
- существует значительное число слов – исконных и наиболее употребительных – которые, обладая широкой семантикой, выступают, не меняя своей формы, то в глагольной, то в

именной функции (так называемые *корневые слова*);

- часть корневых слов может одновременно выступать и как полнозначные и как служебные лексемы;
- наряду с корневыми словами имеются лексемы, которые употребляются либо как имена, либо как глаголы, либо как прилагательные, и их внутренняя структура ясно указывает на морфологическую деривацию от слов корневого типа;
- деривация осуществляется с помощью набора суффиксов (их около двадцати) или в результате корнесложения.

Этим фактам разные исследователи языков манде дают различные объяснения – см. всестороннее описание языковых классов слов в (Dumestre 1987). Крайние точки зрения были сформулированы еще в работах И.А. Тогоевой (Тогоева 1976) и С.И. Томчиной (Томчина 1978). И.А. Тогоева выделяла традиционные для европейских языков части речи – имена существительные, прилагательные, местоимения, союзы, глаголы и т.д. В книге С.И. Томчиной, посвященной языку манинка (ближайшему родственнику бамана), было сделано заключение, что поскольку принадлежность весьма значительной части слов к определенному парадигматическому классу выводится из их позиции в предложении, то частей речи самих по себе как словарно-грамматической характеристики, не существует (см. выше п. 1.1). Наиболее полное описание классов слов в бамана с позиций «внутренней лингвистики» и обзор литературы по данной проблеме дается в (Vydrine 1999). Эта работа существенно уточняет состав отдельных классов и подклассов слов бамана, а также аффиксальные средства, с помощью которых образуются производные (в терминах настоящего исследования) части речи. Но основной вопрос, ставящийся в данной главе, об атрибуции проблемных корневых слов, не получает в ней развития.

Традиционный подход оказывается для языка изолирующего типа неадекватным. В неявном виде эта классификация частей речи опирается на атрибуцию не слов бамана, а их переводных эквивалентов в других языках, хотя то, что может быть названо прилагательным, глаголом или союзом, с точки зрения языковой формы устроено в бамана иначе, чем это предполагает употребление соответствующих терминов в европейских языках.

Точка зрения, выраженная С.И. Томчиной, представляет собой уже упоминавшийся выше, внешне чисто синтаксический – но с инверсией причин и следствий – подход к проблеме частей речи. На самом деле из позиции в предложении выводится не парадигматическая принадлежность корневого слова, а то, существительным или глаголом нужно переводить его на русский язык, тогда как и синтаксическая позиция и переводной эквивалент – по независимым причинам – являются следствиями принадлежности слова к определенному парадигматическому классу. Проиллюстрируем примерами те факты языка бамана, на интерпретацию которых и ориентирован подобный подход.

Многие корневые слова бамана представляют очень широкий спектр значений, имеющих сложную внутреннюю структуру с различными семантическими отношениями, например, *bàga* 'растительный или животный яд', 'название кустарника', 'набрасываться', 'внезапно нападать', 'заставать врасплох', 'облыжно обвинять'; *halo* 'жить', 'кормить', 'воспитывать', 'растить', 'пища', 'провиант', 'жизнь', 'средства к существованию'. Еще отчетливее полисемантность проявляется как полифункциональность при сравнении знаменательных и служебных употреблений лексем: *bè* 'быть', 'находиться', 'существовать', 'жить' 'иметься у', показатель инкомплетива или *lé* 'глаз', 'лицо', 'страница', 'перед', локативный послелог со значением 'перед X'.

Общетеоретические возражения против такого «синтаксического» подхода к проблеме частей речи см. в разделе 2.1.. Приведем некоторые частные возражения, касающиеся материала бамана.

Во-первых, существуют регулярные классы слов (= производных частей речи), которые не только не характеризуются расплывчатостью грамматических функций, но и с точки зрения внутренней формы являются результатом процессов морфологической деривации: *baarakéla* 'рабочий' (имя сущ., показатель *-ké + -la*); *wololen* 'рожденный' (причастие комплетива, показатель *-len*); *bilenman* 'красный' (прил., показатель *-man*); *kalanni* 'чтение' (сущ., показатель *-li/ni*).

Во-вторых, даже для корневых слов тезис о возможности употребления любой лексемы, как в глагольной, так и в именной позиции верен далеко не всегда. Все слова, восходящие к Предикатам, действительно, могут употребляться в именных позициях, то есть в позициях, постулированных для имени (= позиции Подлежащего, Прямого Дополнения и Сирконстанта). Здесь мы имеем дело не с

отсутствием грамматического значения, а с универсальным синтаксическим процессом номинализации. И единственным отличием изолирующего языка является то, что в соответствии с его фундаментальными характеристиками этот процесс может и не иметь формальных показателей. Но обратное неверно: далеко не все слова, восходящие к Термам, могут иметь глагольное употребление (= выступать в позиции Главного Предиката), например, *sǒ* 'дом', *nǒnǒ* 'молоко', *muso* 'женщина'.

4.3.3. Интерпретация

Исходя из положений, выдвинутых в п. 4.2., а также учитывая конкретные факты языка, можно утверждать, что противопоставление имен и глаголов в бамана отражает основное концептуальное противопоставление в картине мира, а не возникает при употреблении. В дискурсе говорящий лишь осуществляет выбор конкретно-языковой формы воплощения этого противопоставления, используя в качестве исходного прототипический способ выражения:

Терм → имя, Предикат → глагол.

Все остальные способы (Терм как глагол, Предикат как имя), а также наличие других частей речи (например, причастий и прилагательных) трактуются в бамана как результат лексико-синтаксической или, реже, морфологической деривации, приводящей к образованию производной части речи. Выбор того или иного способа вербализации является результатом конкретно-речевой стратегии, использованной говорящим и зависящей от многих факторов.

Кроме знаменательных частей речи в бамана выделяются и незнаменательные, служебные. Все их разновидности представляют собой производные классы слов. В силу их реляционного характера, относительно устойчивого состава, перечислимости и большей или меньшей четкости функций их удобно описывать в рамках классифицирующего подхода. Служебные слова характеризуются по двум параметрам: 1) задают или не задают они синтаксическую конструкцию; 2) занимают или не занимают синтаксическую позицию; «позиция» и «конструкция» суть основные понятия, в терминах которых описывается синтаксис бамана (см. также выше раздел 4.3.1.)

Поскольку предложения языка бамана представляют собой конструкции со строго упорядоченной последовательностью синтаксических позиций, в каждой из них могут выступать только элементы фиксированных классов – слова или сочетания слов, относящиеся к определенным частям речи. Максимальное число позиций – восемь. Предложения рассматриваются как актуализованные конструкции, каждая из которых реализует уникальный набор грамматических признаков, выраженных в показателе этой конструкции. Служебные слова делятся на:

- Слова, задающие конструкцию и занимающие синтаксическую позицию: показатели конструкций (*bé, té, máná, ká* и др.)
- Слова, задающие конструкцию, но не занимающие синтаксическую позицию: показатель именной ассоциативной конструкции *ká*, находящийся внутри синтаксических позиций, а также небольшое число союзов (*walasa, nka, barisa* и др.), которые, образуя сложную полипредикатную конструкцию, находятся между позициями
- Слова, не задающие конструкцию, но занимающие синтаксическую позицию: послелог
- Частицы, в свою очередь, тоже могут быть охарактеризованы с помощью этих параметров, правда, негативно: они не задают конструкций и не занимают синтаксических позиций.

4.3.3.1. Не-прототипические члены радиальных категорий имени и глагола

Существенно отметить, что прототипические представители исходных классов – глаголы и имена, реализующие прототипические признаки («динамичность» и «предметность», соответственно), не обязательно исчерпывают объемы этих классов. Отход от прототипа для глагольной категории наблюдается (в порядке убывания признака):

- у стативных глаголов, не обладающих признаком «динамичность», но восходящих к Предикатам; у оттермовых глаголов, не являющихся исходными Предикатами и относящихся к классу производных глаголов;

- у глаголов-связок, трансформировавших свое лексическое значение в грамматический признак «предикативность», образующих класс показателей конструкций – служебную производную часть речи.

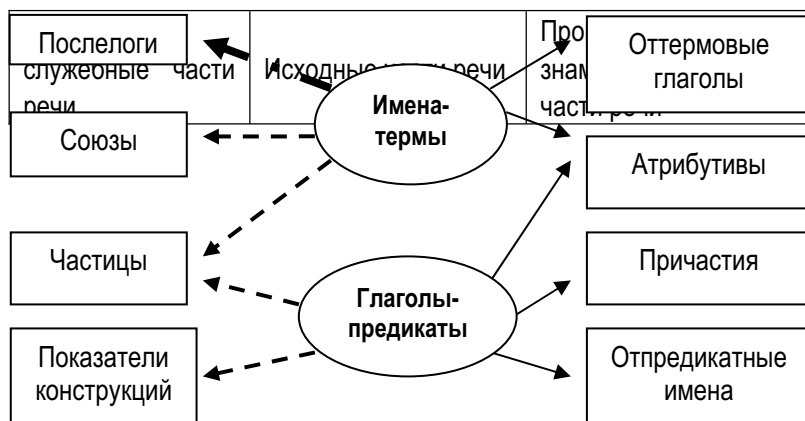
Отход от прототипа для категории имен присутствует:

- в абстрактных именах на –уа;
- в различных вариантах номинализованных конструкций с производными отпредикатными именами, для которых можно задать иерархию «утраты именных ~ приобретения глагольных свойств»;
- в образовании производного класса служебных слов – послелогов.

В каждом конкретном случае степень родового сходства с прототипом позволяет решить, имеем ли мы дело все с тем же классом слов в лице его не-прототипического представителя или же можно/нужно постулировать наличие производного класса. В бабана для производных классов слов решающим является синтаксический фактор: по крайней мере одна из синтаксических конструкций языка (в указанном выше смысле этого термина) должна описываться в терминах этого производного класса. Поэтому на этом уровне подробности отдельно не выделяются: личные местоимения (это имена-Термы), числительные, наречия (небольшой закрытый класс со значением признака или квалификации) и несколько местоименных слов, которые входят вместе с прилагательными в класс атрибутивов. С другой стороны, выделение в отдельный производный класс причастий опирается на тот факт, что в причастия в предикативной функции, задают отдельный тип конструкций (независимых предикаций), который отличается по своим конституирующим признакам от конструкций, задаваемых прилагательными в предикативных функциях.

4.3.3.2. Производные классы слов

В бабана выделяются следующие производные классы слов: атрибутивы, причастия, оттермовые глаголы, отпредикатные имена, а также служебные слова. Местоимения в данное представление не включены. Их отличает от имен только принадлежность шифтерным категориям. Все производные классы слов «образуются» – в самом общем смысле этого слова – только от исходных. Проиллюстрируем это на схеме.

На схеме частей речи оба типа стрелок – простые и пунктирные – обозначают наличие некоторого деривационного процесса, ведущего к образованию производной части речи. Понятие деривации является существенным для данного подхода и понимается не как процесс порождения высказывания в дискурсе (= синтез), но как системные отношения, объясняющие существование формально и/или содержательно более сложных, производных, конструкций путем указания на соответствующие простые и – в идеале – выявления мотивированности. Аналогичную роль играет это понятие и при описании системы частей речи, объясняя производные части речи через соответствующие исходные. Пунктир, ведущий к служебным частям речи, обозначает, что для них (в отличие от ситуации с производными знаменательными частями речи) отношения деривации захватывают не только синхронию, но и диахронию языка. Особо выделенная пунктирная стрелка, обозначающая деривацию послелогов от имен,

отмечает сложный двухступенчатый деривационный процесс грамматикализации, который подробно рассмотрен ниже в последней части этой главы.

4.3.4. Мотивированность деривационных путей особенностями языкового строя

Описание конкретных деривационных путей, ведущих к производным частям речи, выходит за рамки темы данной главы. Подробное описание соответствующих языковых фактов относится к «специфическому», конкретно-языковому аспекту проблемы частей речи языка бамана – см. на эту тему (Бергельсон 1990). Но необходимо еще раз сформулировать то, что касается мотивированности этих дериваций.

Производные части речи в бамана выделяются в контексте базовых характеристик всего языкового строя, для единиц которого центральным является понятие конструкции, сохраняющей и воспроизводящей строгий порядок компонентов на всех синтаксических уровнях: именной группы, предикации, полипредикатного комплекса. Другая важная черта этого языкового типа связана с минимумом формальных показателей, участвующих в образовании конструкций. Это существенная характеристика изолирующего языка, которая также воспроизводится на всех уровнях языковой структуры.

Критерии выделения производных частей речи должны находиться в соответствии с тенденциями, которые язык демонстрирует в своей структуре. При прочих равных условиях предпочтительнее то описание, которое позволяет учесть не только специфику данного фрагмента грамматики, но и то, как это согласуется с общей структурой данного языкового типа.

Для анализа простых конструкций в бамана достаточно противопоставления имен, глаголов и служебных слов. Но для того, чтобы описывать производные полипредикатные конструкции, необходимо описать правила образования производных классов слов. Соответствующие деривационные процессы суть часть формальной организации всей языковой структуры.

При одной и той же деривации могут использоваться как нулевые, так и ненулевые средства, что приводит к образованию двух рядов почти синонимичных форм. Это весьма характерное явление для изолирующих языков – см. (Яхонтов 1975). В бамана имеется несколько словообразовательных префиксов и около 20 словообразовательных суффиксов, но большинство из них нерегулярно и непродуктивно и потому не может выступать как грамматический механизм образования производных частей речи. Для каждого из производных классов имеется, по крайней мере, одна нулевая деривационная модель.

Итак, подытоживая этот раздел, части речи, или парадигматические классы слов, в бамана представляют собой три группы с разным статусом:

- исходные части речи
- производные знаменательные части речи
- производные служебные части речи.

Два исходных класса это термы и предикаты. Они представляют собой радиальные категории, организованные вокруг признаков «объектность» и «динамизм», соответственно. Прототипическими членами этих классов являются имена конкретных объектов (предметы, имена собственные) и динамические глаголы, обозначающие процессы.

Производные знаменательные части речи являются продуктом синтаксической деривации, которая может иметь или не иметь морфологические показатели.

Производные служебные части речи являются результатом процессов грамматикализации.

4.4. Послелого как производный класс и процессы грамматикализации

Процессы грамматикализации представлены в бамана для послелогов, рефлексивных конструкций, при образовании составных глаголов (сериальные конструкции). Целью данного раздела является обсуждение двух аспектов грамматикализации. Во-первых, это расширение объема значения слова (локативные послелого «образованы» от названия частей тела). И во-вторых, грамматическая метафора, являющаяся когнитивным отображением (cognitive mapping) конкретных значений единиц на

другие абстрактные контексты (возникновение послелогов с абстрактными значениями из локативных послелогов) – см. (Hopper, Traugott 1993), и в особенности (Heine 1991).

Возможность и легкость грамматикализации лексических единиц зависит от объема их исходного лексического значения и структуры конкретного языка. Изолирующие языки особенно склонны к процессам грамматикализации из-за большого семантического объема значений лексем и отсутствия давления парадигматической формы.

4.4.1. Структура простого предложения (клаузы)

Линейная структура предикации в бамана в общих чертах такова:

- позиция # 1 – подлежащее;
- позиция # 2 – показатель конструкции, характеризующий ее с точки зрения глагольной совершаемости, отрицательности, семантического класса предиката;
- позиция # 3 – прямое дополнение (для переходных конструкций);
- позиция # 4 – главный предикат, сказуемое;
- позиция # 5 – сирконстанты (с послелогом или без).

На основе используемых критериев в бамана можно не выделять отдельной позиции, т.е. – синтаксического отношения – косвенного дополнения.

Показатели конструкции соотносят предикацию с коммуникативным контекстом, маркируя вид, модальность, отрицание, а также семантический тип предиката. В бамана выделяются следующие показатели конструкций ³:

- bɛ́ – инкомплетив (INC)
- tɛ́ – отрицательный инкомплетив (INCN)
- yé₁ – переходный комплетив (CMPL)
- má – отрицательный комплетив (CMPLN)
- 0 . -Ra⁴ – непереходный комплетив (CMPL)
- bɛ́nà – делибератив (Int)
- tɛ́nà – отрицательный делибератив (IntN)
- ná – проспективный ассертив (Ass)
- bɛ́kà – актуалис длительный (ActC)
- bɛ́ . lá – актуалис (Act)
- ká₁ – статив (STAT⁵)
- mán – отрицательный статив (StatN)
- ká_{1,2} – зависимая предикация (DPND)
- kàná – отрицательная зависимая предикация (DPNDN)
- máná – гипотетив (Hyp)
- yé₂ – императив (Imper).

(1).⁶ cɛ́ yé fíní dá dùgú mà
 #1 #2 #3 #4 #5
 мужчина CMPL одежда класть земля PP
 Мужчина положил одежду на землю

(2). jí ká kálán
 #1 #2 #4
 вода STAT теплый
 Вода теплая

(3). à tɛ́nà bɔ só kónɔ

³ Подробное семантическое описание значительной части этих показателей дается в статье (Idiatov 2000).

⁴ Здесь -Ra это гипер-маркер, который принимает форму -ла после сонантов, -la после латералов, и -ra в остальных случаях.

⁵ Конструкции с ká семантически близки к связочным конструкциям с bɛ́ – локативно-экзистенциальная конструкция, с dòn – дейктическая и идентифицирующая конструкция, и с yé – конструкция включения в класс.

⁶ Лексические тоны маркируются на гласных: "í", "í", "V" и означают, высокий, низкий и поднимающийся тон, соответственно. Фразовый акцент, характеризующий ИГ, маркируется значком "´" после имени.

#1	#2	#4	#5	
он	IntN	уходить	дом	PP
Он не уйдет из дома				

4.4.2. Структура именной группы

Именные группы занимают позиции #1, #3, #5. Если ИГ состоит из более чем одного слова, то это может быть:

- Имя или местоимение с постпозитивным прилагательным или причастием в атрибутивной функции.

(4).1.	nónó	gonì;	nónó`	gònimán;	sě̀	sigilen
	молоко	теплый	молоко	теплый	мужчина	сидящий
	Теплое молоко		Теплое молоко		Сидящий человек	

- Вариант ассоциативной конструкции.

Название конструкции отражает разнообразие передаваемых ею семантических отношений двух имен, в основе которых лежит идея связи двух объектов. Показатель конструкции – *ká*₃. Показатель отсутствует в прототипических случаях – отношение часть – целое и неотъемлемая принадлежность. Это семантическое отношение характеризует класс так называемых зависимых имен, которые не могут употребляться отдельно и всегда выступают в ассоциативной конструкции. К ним относятся обозначения частей тела и терминов родства.

(4).2.	í	ká	so`;	í	bá`;	dàgá`	kónfen`
	ты	ASSOC	дом;	я	мать;	кувшин	внутренняя-часть
	Твой дом		Моя мать		В кувшин(е)		

- В позиции #5 ассоциативная конструкция сопровождается послелогом.

4.5. Класс послелогов в бамана

Исходной точкой для описания послелогов в бамана можно считать тот факт, что следующие ИГ имеют два значения: *à né* – означает ‘его глаз’ и ‘впереди него, перед ним; *í kónó* – означает ‘мой живот’ и также ‘внутри меня’. Однако ИГ *í bá`* может означать только ‘моя мать’. Отдельно слово ‘мать’ употребляться не может.

С точки зрения предметного значения послелогои происходят от названий частей тела. Их место в структуре предложения – позиция #5 – отражает их исходное употребление в рамках ассоциативной конструкции с прототипическим значением «часть – целое» – см. (4.2.).

Семантическое отношение «часть – целое» грамматикализуется как локативное отношение, что приводит к образованию «вспомогательных», локативных, послелогов (secondary postpositions) – см. (Hopper, Traugott 1993)

ЧАСТЬ X-a → ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО X-a.

«Основные», абстрактные, послелогои (primary postpositions) получаются в результате метафорических преобразований, например:

СЗАДИ, ПОЗАДИ X-a → ПО ПРИЧИНЕ X-a.

4.5.1. Примеры деривационных цепочек, ведущих к образованию послелогов

4.5.1.1. Послелогои с локативным значением

В первую очередь это простые локативные послелогои, некоторые из которых имеют также и абстрактное значение. Разница между обстоятельством места и непрямым//косвенным дополнением в бамана заключается только в разнице локативного или абстрактного (причина) значения послелогоа, соответственно. Отдельной конструкции при этом, естественно, не возникает.

kó –сзади; ‘причина’ (< ‘спина’)

(5).1.	dénnin`	táara	bá`	kó
	девочка	идти-СМPL	река	PP
	Девочка пошла за реку			

(5).2.	dénín`	bé	à	fã`	kó
--------	--------	----	---	-----	----

ребенок LOC⁷ он отец PP

‘Ребенок (стоит) за отцом

- (5).3. à b́é langí à kélen kó
он INC наказать он сделавший PP
Его наказали за то, что он сделал

Темпорального значения, которое тоже может являться результатом естественной метафоризации, у этого послелога нет.

л́é – перед (< ‘глаз’)

- (6).1. súruku` yé dép` dá à bá` л́é
гиена CMPL ребеноккласть он мать PP
Гиена положила ребенка перед матерью
- (6).2. nín kéga né л́é (ná)
это стало глаз PP
Это произошло передо мной (на моих глазах)

ќónó – внутри (< ‘живот’, ‘желудок’, ‘нутро’)

- (7).1. à b́é táa kúnogo kónó
он INC идти лес PP
Он идет в лес
- (7).2. à yé jí ké tása` kónó
он CMPL вода делать горшок PP
Он налил воды в кастрюлю

ќàn – на; наверху (< ‘шея’ – kán)

В этом примере наблюдается разница тонов в лексических и грамматических употреблениях, но этимология не вызывает сомнений.

- (8).1. ní sìgilen b́é dílan` kàn
я сидящий LOC //INC кровать PP
Я сижу на кровати
- (8).2. à b́é ní kàn
он LOC я PP
Он мой босс

ќóró – под (< ‘низ’, ‘нижняя часть’)

- (9).1. ní níginna sán` kóró
I мокр-CMPL дождь PP
Я промок под дождем

ќún – ‘сверху’; бенефактивное для; роль источника в ситуации коммерческой транзакции (< ‘голова’)

- (10).1. nògò rápna sò` kún
птица лететь-CMPL дом PP
Птица пролетела над домом
- (10).2. kàramògò` yé súran` sébén í kún
учитель CMPL стихи писать ты PP
Учитель написал для тебя стихотворение
- (10).3. í má foyi san ní kún
ты CMPLN ничего купить я PP
Ты ничего не купил у меня

⁷ Показатель конструкции б́é тоже есть результат естественного сдвига значений: глагол местоположения => связка с локативным значением => связка с экзистенциальным значением => Показатель Конструкции с имперфективным значением.

bólo – (< рука). Источник; посессивное и каузальное значения. Собственно локативного значения не имеет. Анализируется тем не менее вместе с послелогоми, которые имеют и локативные значения из-за того, что начальная точка процессов грамматикализации тоже часть тела. Употребляется только с одушевленными ИГ.

(11).1. à ká lívuru` bé ní bólo
он ASSOC книга LOC я PP

У меня его книга

(11).2. dép kélen tùn bé à bólo
ребенок один PAST LOC он PP

У нее один ребенок

(11).3. wárig` búrunná à bólo
деньги падать-СМPL он PP

Он потерял деньги (случайно)

(11).4. wára` sàrá dònsoké` bólo
лев умереть-СМPL охотник PP

Лев умер из-за охотника (=охотник явился причиной смерти льва)

Особенности употребления послелога *bólo* мотивированы когнитивными моделями, формирующими исходную точку метафорического процесса, а именно знаниями о руках человека и их движениях: рука многофункциональна и потому с ней не может ассоциироваться никакое конкретное местоположение.

bára – у(кого-либо дома) (< 'дом', 'родина'). Этот послелог происходит не от названия части тела. Однако это слово относится к группе зависимых имен.

(12).1. à táara à fã` bára
он идти-СМPL он отец PP

Он отправился к отцу (домой)

(12).2. án ká táa mìsíw tà ní bénké` bára
мы DPND идти корова-PL взять я дядя PP

Давай пойдем, заберем коров у моего дяди

4.5.1.2. Абстрактные послелог

Абстрактные послелог представляют собой грамматическую метафору в чистом виде. Связь с локативными или лексическими значениями прослеживается плохо.

mǎ – к, у (< ?mǎ, архаическое слово, означающее 'поверхность'). Образует адресатную ИГ и употребляется с ограниченным набором предикатов.

(13).1. ù séra dùgutigí` mǎ
они достичь-СМPL староста PP

Они пришли к старосте

(13).2. ní bá` yé jí dì à mǎ
я мать СМPL вода дать он PP

Мать дала ему воды

(13).3. à fúgula nǐn cě` mǎ
она жениться-СМPL этот мужчина PP

Она вышла замуж за этого мужчину

yé – к, у (< ? этимология не ясна). Адресатное значение.

(14).1. à yé láyidu` tá à bá` yé
он СМPL обещание дать он мать PP

Он дал матери обещание

(14).2. à nàna bó ní yé
он придти-СМPL уходить я PP

Он только что пришел ко мне

Бенефактивное значение.

(14).3. n ʼfã` yé finɿ sà̀n ní bá` yé
я отец CMPL ткань купить я мать PP
Отец купил ткань для матери

(14).4. ní bé báara` ké ní dénw yé
я INC работа делать я ребенок-PL PP
Я работаю для моих детей

Экспериментальное значение.

(14).5. kɪnɪn` ká dí ní yé
рис STAT приятный я PP
Я люблю рис

Конструкции со связкой yé и глаголом ké (значение включения в класс).

(14).6. nɪn mɔ̀gɔ` yé mɔ̀rɪ` yé
этот человек COP священник PP
Этот человек священник

(14).7. à kéra kàgamɔ̀gɔ` yé
он стать-CMPL учитель PP
Он стал учителем

Инструментальное и компаративное значения.

(14).8. à yé nɪn ké (nɪ) dàbá` yé
он CMPL это делать (и) серп PP
Он сделал это серпом

(14).9. à ká jàn (nɪ) ní kɔ̀rɔ̀kɛ` yé
он STAT высокий (и) я старший-брат PP
Он выше чем мой старший брат

fě – (< ? архаическое имя со значением ‘сторона, направление’). ИГ + *fě*, употребляясь с глаголами движения, имеет значение ориентира – см. (15.1.). Это прототипическая часть значения данного послелого, которая получает метафорическое развитие как причина или источник ситуации – см. (16.1., 2., 3.). Причем вариант с послелогом *fě* в примере (16.3.) не полностью синонимичен варианту с послелогом *bólo* и имеет явно более агентивное значение. Следующий шаг это дальнейшая грамматикализация значения послелого в синтаксическую функцию маркера прагматически редуцированного агенса в не-подлежащей позиции – см. (16.4., 5.), и маркера второго, (то есть, также прагматически редуцированного) агенса в не-подлежащей позиции – (16.6., 7.).

(15).1. sɔ̀ kɔ̀fě – (двигаться) к задней-стороне дома

(16).1. mɔ̀gɔ` té sé kà dàgá` kɔ̀nɔ̀fɛn` dɔ̀n
человек INCN мочь DPND кувшин внутренняя-часть знать
à kɔ̀fělá fě
он задняя-часть-PP PP

Нельзя узнать о внутреннем содержании кувшина по его задней стороне (=нельзя судить о вещах по их внешности)

(16).2. dén` bé kàsi fáryna fě
ребенок INC плакать гнев PP
Ребенок плачет от злости

(16).3. ní kɔ̀rɔ̀kɛ` sàrà bána fě // bólo
я старший-брат умиратьболезнь PP // PP
Мой старший брат умер от болезни

(16).4. wára` fàgará dɔ̀nsokɛ` fě // *bólo
лев убить-CMPL охотникPP // *PP
Лев был убит охотником.

Ср. (11.4.) и (16.4.). Русский перевод последнего примера пассивом хорошо передает семантическую разницу между двумя высказываниями. Однако никакого пассива здесь нет. В обоих примерах глаголы ‘умирать’ и ‘убивать’ оформлены одним и тем же показателем конструкции CMPL. Ср. также (16.5.).

(16).5. sɛ́nín` yé tása` repen //tása` repenna sɛ́nín` fě
 мальчик CMPL чашка разбить//чашка разбить-CMPL boy PP
 Мальчик разбил чашку // Чашка разбилась, мальчик причина (этого)

Ср. tása repenna sɛ́nín` bólo
 чашка разбить-CMPL мальчик PP
 Мальчик (нечаянно) разбил чашку

(16).6. à nàna ní fě
 он идти-CMPL я PP
 Он пришел со мной

(16).7. à kútaga ní fě
 он говорить-CMPL я PP
 Он поговорил со мной

lá – (< ? ; выражается одинаково в большинстве языков группы манде) является самым абстрактным и более всего утратившим свое исходное значение послелогом в бамана. Он выполняет функции послелога *par excellence*, так сказать, маркера синтаксического отношения, который создает ИГ, способную занять в предикации позицию #5 без уточнения значения семантического отношения. Эту функцию «маркера послелога» *lá* имеет и в локативном и в собственно абстрактном употреблении. С некоторыми предикатами он передает максимально обобщенную идею локализации относительно данного ориентира, с другими он выступает как маркер прототипа непрямого//косвенного дополнения, позволяя тем самым ввести в пропозициональную структуру и эксплицитно выразить в рамках той же предикации третьего участника ситуации. Кроме того. В бамана имеется префикс глагола *lá* – единственный глагольный префикс с грамматической функцией. Он является маркером пропозициональной деривации в бамана, то есть способа изменить валентность предиката – см. (Bergelson 1991) и главу 5 настоящей книги.

(17).1. súruku` yé ko jugu ké cě` la // yé
 гиена CMPL вещь плохую делать мужчина PP//PP
 Гиена плохую вещь сделала по отношению к этому человеку // этому человеку

(17).2. à yé hogonya yiga ní ná // yé
 он CMPL уважение показать я PP // PP
 Он выказал уважение по отношению ко мне //(уважение) мне

(17).3. u lé bé u ba` lá
 они глаз LOC они мать PP
 Они смотрят на свою мать

(17).4. ní dege i ká donkílí lá
 я учить ты ASSOC песня PP
 Научи меня своей песне

(17).5. à bé à hakili to à dén` ná
 он INC он ум оставлять он ребенок PP
 Он помнит о своем ребенке

(17).6. dén` bé kàlàn ná
 ребенок LOC читать PP
 Он читает

Последний пример дает еще один пример грамматикализации, на этот раз –грамматикализации локативной конструкции – на основе типологически распространенной метафоры вида:

БЫТЬ В МЕСТЕ X → НАХОДИТЬСЯ В СОСТОЯНИИ Y

Это приводит к образованию нового более абстрактного значения актуалиса и соответствующей конструкции с показателем конструкции Act *bé ... ná*.

Итак, послелого в бамана демонстрируют типичные сдвиги значений, характерные для процессов грамматикализации. Спецификой языка бамана в этой области является:

- отсутствие неоднозначности получающихся конструкций благодаря синтаксическим ограничениям линейной структуры предикации
- минимальность изменений языковой формы
- прозрачность метафорической основы процессов грамматикализации
- мотивированность грамматической метафоры центральностью соответствующих концептов в картине мира (части тела, физическое восприятие и волеизъявление)

4.6. Выводы

Лексико-грамматические классы слов, традиционно называемые частями речи, представляют собой языковое воплощение парадигматической категоризации внешнего мира человеком. В этом смысле их прагматическая мотивированность экстралингвистическим знанием могла бы быть тривиальной, но в большинстве случаев не является таковой.

В 6-ой главе на примере проблемы частей речи в изолирующем языке:

- Показано, что выделение базовых, исходных, классов слов и – с другой стороны – производных классов опирается на разные основания.
- Предложена модель описания исходных классов слов – Термов и Предикатов – как радиальных категорий, организованных вокруг прототипических признаков «объектность» и «динамизм», которые имеют непосредственную прагматическую мотивацию в противопоставлении объектов и ситуаций в реальном мире.
- Предложено описание производных знаменательных частей речи как результата деривационных процессов, имеющих внутриязыковую мотивацию – центральных для данного языка характеристик простой предикации, то есть, в конечном счете, особенностей языкового строя.
- Описаны процессы грамматикализации, приводящие к образованию послелогов – класса служебных слов, получающихся в результате грамматической метафоризации, мотивированной центральностью таких концептов, как части тела, физическое восприятие и волеизъявление, в картине мира.